

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 290–299.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
 Vol. no.3 (110). P. 290–299.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
 (юридические науки)**

Научная статья

УДК: 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.97.025

ЗАДЕРЖАНИЕ – ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Шелегов Юрий Владимирович¹, Игумнов Александр Владимирович²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, г. Иркутск

²Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Российская Федерация, г. Иркутск

¹shelegoff@list.ru

²igumnov.a.v.1@yandex.ru

Введение. В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов, который связан с определением места задержания в современном отечественном уголовном процессе, как иной меры уголовно-процессуального принуждения. Автор в своем исследовании подвергает анализу предпосылки возникновения действующего правового регулирования в аспекте рассматриваемого института. В работе Развивается идея сущностного и правового разделения различных элементов задержания: фактического задержания, процессуального оформления и личного обыска, призванная обеспечить в рамках уголовного судопроизводства единство процессуальной формы и сделать институт задержания более целостным и логически структурированным правовым явлением. Автор делает попытку определить возможные пути законодательного совершенствования рассматриваемого правового института с точки зрения обеспечения прав и свобод граждан.

Материалы и методы. В нормативную базу исследования автором включены Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон «О полиции», а также иные федеральные законы по рассматриваемой теме. Методологический базис исследования составил метод материалистической диалектики, выступающий основой научного познания. Кроме того, в работе реализован такой методологический инструментарий как анализ, компаративистика и другие.

Результаты исследования позволили выявить дефекты текущего нормативно-правового регулирования в сфере общественных отношений затрагивающих вопрос определения места задержания как меры уголовно-процессуального принуждения.

Выводы и заключения. Автором внесены предложения по изменению и дополнению в ст. 91 УПК РФ, что позволит реализовать правомочие по задержанию лица не только по подозрению в совершении преступления, но и в целях принуждения обвиняемого к соответствующему поведению в досудебном производстве, в случае его задержания в связи с отсутствием у органов осуществляющих предварительное расследование сведений о месте нахождения обвиняемого. Кроме того, автор предлагает исключить из ч. 2 ст. 92 УПК РФ требования об отражении результатов личного обыска в протоколе задержания, что позволит обособить процесс доказывания от меры процессуального принуждения, направленной на обеспечение порядка досудебного производства.

Ключевые слова: задержание, меры уголовно-процессуального принуждения, досудебное производство, процессуальная форма, постановление о задержании, протокол задержания, структура.

Для цитирования: Шелегов, Ю. В. Задержание — процессуальные аспекты / Ю. В. Шелегов, А. В. Игумнов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 290–299.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.97.025

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

DETENTION – PROCEDURAL ASPECTS

Shelegov Yuri Vladimirovich¹, Igumnov Alexander Vladimirovich²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

²East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation

¹shelegoff@list.ru

²igumnov.a.v.1@yandex.ru

Introduction. The article considers one of the controversial issues related to the definition of the place of detention in modern domestic criminal proceedings as another measure of criminal procedural coercion. In his research, the author analyzes the prerequisites for the emergence of the current legal regulation in the aspect of the institution in question. The paper develops the idea of an essential and legal separation of various elements of detention: actual detention, procedural registration and personal search, designed to ensure the unity of the procedural form in criminal proceedings and make the institution of detention a more holistic and logically structured legal phenomenon. The author makes an attempt to identify possible ways of legislative improvement of the legal institution in question from the point of view of ensuring the rights and freedoms of citizens.

Materials and Methods. The author's regulatory framework includes the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, the Federal Law "On Police", as well as other federal laws on the topic

under consideration. The methodological basis of the research was the method of materialistic dialectics, which acts as the basis of scientific knowledge. In addition, the work implements such methodological tools as analysis, comparative studies and others.

The Results of the Study It allowed us to identify defects in the current regulatory and legal regulation in the field of public relations affecting the issue of determining the place of detention as a measure of criminal procedural coercion.

Findings and Conclusions. The author has made proposals to amend and supplement Article 91 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which will allow the exercise of the power to detain a person not only on suspicion of committing a crime, but also in order to force the accused to appropriate behavior in pretrial proceedings, in case of his detention due to the lack of information from the authorities conducting a preliminary investigation about the location of the accused. In addition, the author proposes to exclude from part 2 of art. 92 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation requires the reflection of the results of a personal search in the protocol of detention, which will separate the process of proof from a measure of procedural coercion aimed at ensuring the order of pretrial proceedings.

Keywords: detention, measures of criminal procedural coercion, pre-trial proceedings, procedural form, detention order, detention protocol, structure.

For citation: Shelegov Yu. V., Igumnov A.V. Zaderzhanie – processual'nye aspekty [Detention — procedural aspects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva Vnutrennih Del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2024, no.3 (110), pp. 290–299.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.97.025

Расследование преступлений неразрывно связано с ограничением прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства – субъектов уголовного процесса. Особенно указанные ограничения касаются лиц подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и призваны обеспечить наиболее эффективное и своевременное разбирательство по уголовному делу. Действующие правовые нормы предписывают данную функцию мерам процессуального принуждения.

Данные меры являются элементом системного правового явления – государственного принуждения, которое в свою очередь, через реализацию уполномоченными должностными лицами соответствующих прав, ограничивает, лишает, обременяет и заставляет обязанных лиц исполнять возложенные на них юридические обязанности и соблюдать установленные законодательством запреты [1, с. 134].

Меры, применяемые в уголовном судопроизводстве урегулированы уголовно-процессуальным законодательством, что подразумевает строгую регламентацию, соблюдение требований к порядку их применения в том числе ограниченный перечень оснований, установленную форму и обеспечение процессуальных гарантий участников правоотношений, возникающих в связи с их избранием. Поскольку рассматриваемые меры неразрывно связаны с ограничением, а в некоторых случаях и с лишением лиц конституционных прав, особое внимание правоприменителя, а также контролирующих и надзирающих органов акцентируется на недопущении незаконного и (или) необоснованного вмешательства правоохранительных органов в правовой статус лица и уменьшения объёма его конституционных прав. Такое отношение продиктовано самой сущностью уголовного судопроизводства, находящего отражение в его назначении,

установленном статьей 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), и заключающемся в равнозначности отказа от уголовного преследования невиновных лиц и привлечении к уголовной ответственности виновных в совершении преступления через назначение последним справедливого наказания, обусловленного фактическими обстоятельствами совершенных деяний и характеризующих личность обвиняемого сведениями.

Отечественная уголовно-процессуальная наука, на фоне трансформации уголовной политики государства, в последние годы всё чаще обращает свой взор в сторону идей рационализации и обеспечения процессуальной экономии при производстве по уголовным делам. Кроме того, на фоне политических событий 2020-х годов, уголовно-процессуальное законодательство, претерпевает изменения, приобретая правовые механизмы, действующие в условиях военного положения. Данные тенденции не обошли стороной и институт уголовно-процессуального задержания, который, наряду с избранием мер пресечения и возбуждением уголовного дела в отношении лица, является первоначальным этапом, своеобразным началом уголовного преследования совершившего преступное посягательство субъекта. Таким образом, вопросы связанные с процессуальными особенностями института задержания и его местом в уголовном судопроизводстве не потеряли своей актуальности и требуют детального изучения и научно обоснованного развития.

Задержание в уголовно-процессуальной доктрине в известной степени традиционно отмежевывается от всех мер принуждения и занимает уникальное место. При его определении среди мер процессуального принуждения, стоит обратиться к позиции В. М. Харзиновой, которая рассматривая классификации мер процессуального принуждения, полагает целесообразным выделение задержания как самостоятельной меры принуждения, характеризующейся направленностью на реализацию субъектом расследования полномочий, связанных с обеспечением доказывания [2, с. 222]. Указанная позиция представляется справедливой, так как задержание, несмотря на существенную близость, нельзя отнести к мерам пресечения, ввиду специфичности процессуального статуса задержанного и связи с конституционной гарантией человека на неприкосновенность личности, строго регламентирующей сроки задержания без судебного решения. Видится, что именно по этим причинам задержание уже традиционно в нормативной и доктринальной плоскости выделяется в особую категорию, фактически обособляется законодателем от всех других мер уголовно-процессуального принуждения, ввиду кратковременности и неотложности.

Тем не менее, исторически встречаются различные подходы к определению этого процессуального действия. Опустим точки зрения, согласно которым задержание рассматривается в качестве тактической операции и остановимся на том, что согласно первому подходу задержание, как и было указано ранее, является мерой уголовно-процессуального принуждения. Альтернативное видение базируется на постулатах, согласно которым, задержание принято рассматривать в качестве следственного действия [3, с. 37]. В этой связи, ученые по сей день продолжают спорить о сущности, содержании и правовой природе задержания, хотя видится, что острота данной дискуссии несколько поубавилась, ввиду однозначного законодательного отношения задержания к мерам процессуального принуждения.

В то же время, при анализе рассматриваемого действия уполномоченных субъектов, следует обращать внимание не только на его процессуальную природу, но и на иные меры государственного принуждения, схожими по содержанию с уголовно-процессуальным задержанием. К таковым, безусловно, относится мера обеспечения административного производства – административное задержание, предусмотренное ст. 27.3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которое содержательно, также заключается в кратковременном ограничении свободы лица, то есть непосредственном, строго ограниченном во времени лишении лица права на свободное передвижение, с сопутствующими ему ограничениями. Кроме того, задержание лиц может быть произведено полицией в целях восстановления установленного законом порядка отбывания лицами наказания, исполнения мер воспитательного и медицинского характера, а также обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, согласно положениям Федерального закона «О полиции» (ст. 14).

В свою очередь уголовно-процессуальное задержание, исходя из положений отечественного уголовно-процессуального закона имеет ряд отличительных особенностей, которые позволяют чётко отграничить его от иных видов задержания:

1. производство задержания строго ограниченным кругом субъектов: орган дознания, дознаватель и следователь;
2. строго установленные ст. 91 УПК РФ основания для его производства;
3. задержание лица возможно только при наличии возбуждённого уголовного дела;
4. задержание лица допускается только по подозрению в совершении преступления, либо при условиях, указанных в ст. 210 УПК РФ.

Последующий анализ уголовно-процессуального регулирования рассматриваемого института заставляет обратить внимание на двойственность понятия «задержание» и несистемный подход к его законодательному регулированию. О данной проблеме высказывались многие учёные процессуалисты, такие как О. Я. Баев, М. О. Баев, которые рассматривали вопросы, связанные с задержанием, анализируя вносимые в уголовно-процессуальный закон изменения [4, с. 229, 231]; Е. С. Березина, уделившая значительное внимание моментам фактического задержания и его процессуальному порядку в своём диссертационном исследовании [5], А.В. Победкин, В. Н. Яшин, призывавшие законодателя к решению проблем исследуемого в данной статье института [6, с. 16], упомянутые ранее Е. А. Пидусов, В. М. Харзинова и многие другие. Интересный с точки зрения доктринального понимания задержания вопрос состоит в том, что данный институт содержит в себе два неразрывно связанных аспекта: фактический и процессуальный. Фактический заключается в непосредственном захвате лица, ограничении свободы и его доставлении, процессуальный – в составлении протокола задержания.

Фактический аспект задержания определяется непосредственно физическим ограничением лица в праве на передвижение, свободу и личную неприкосновенность. Примечательно, что до актуального Уголовно-процессуального кодекса нормативного закрепления не имел, но достаточно часто встречался в уголовно-процессуальной доктрине [7, с. 77–78].

Процессуальный же аспект, касается документального оформления рассматриваемой меры процессуального принуждения и представляет наибольший интерес. Общеизвестно, что протокол задержания является юридическим актом, направленным на возникновение качественно новых правоотношений между

задержанным и государством, так как наделяет лицо процессуальным статусом подозреваемого, то есть имеет все признаки юридического факта. Известно, что публично-правовые акты-решения в досудебном производстве оформляются иными документами – постановлениями. Причины такого необычного, с точки зрения нынешнего учения о процессуальной форме, подхода к фиксации акта задержания лица, как видится, кроются в исторически обусловленной неопределенности сущности уголовно-процессуального задержания и его родство с задержанием административным, «полицейским», так как действующий уголовно-процессуальный кодекс является развитием отечественной процессуальной доктрины, имеющей многовековую историю, в которой задержание воспринималось как превентивный акт и никогда не подразделялось на процессуальное и фактическое [8, с. 53-54].

Генезис уголовно-процессуальной мысли привел нас к признаваемой на доктринальном уровне дихотомии задержания, амбивалентность которого частично урегулирована законодателем, но в достаточной мере не оформлена. С целью систематизации уголовно-процессуального института задержания предлагается прибегнуть к следующему подходу в его регулировании: окончательно разделить процедуру задержания на две указанные ранее, равнозначные части – фактическую и процессуальную. Существующую на данный момент процедуру задержания, с определенным кругом субъектов, уполномоченных на его производство, основаниями для задержания и порядком, в том числе составлением протокола установить, как «фактическое задержание». Либо же, напротив, исключить фактическое задержание из плоскости уголовно-процессуальных отношений и передать его в руки «силовых» ведомств, осуществляющих фактическое задержание и доставку потенциальных подозреваемых, окончательно закрепив его в административно-процессуальную область. В то же время, уголовно-процессуальный аспект задержания следует обособить и вверить исключительно лицам, осуществляющим предварительное расследование по уголовным делам и закрепить его оформление в виде мотивированного и законного постановления следователя или дознавателя о задержании лица, имеющего значение не условной «генеральной репетиции», предвосхищающей избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, а самостоятельной меры государственного воздействия, применяемой в исключительных случаях.

Подобный подход к регулированию уголовно-процессуального задержания оформит процедуру в логически целостную структуру и позволит обеспечить единство процессуальной формы на стадии досудебного производства, однако же и он не лишен изъянов. Ввиду того, что задержание лица в своей сущности является кратковременным процессуальным состоянием, длящимся не более 48 часов до судебного решения, лицо, осуществляющее предварительное расследование имеет лишь 40 часов с момента фактического задержания на принятие соответствующего процессуального решения, определяющего судьбу задержанного. В данный срок входит сбор сведений, характеризующих личность последнего, а также доказательства, подтверждающие наличие оснований для избрания строгой меры пресечения и причастности лица к совершенному преступлению, которые учитываются судами при принятии решения по ходатайству лица, осуществляющего предварительное расследование, а также подготовка постановления о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства.

В связи с изложенным, окончательно оформленное законодательное разделение дихотомии задержания через двойственное документирование данного процессуального действия, в случае необдуманного законодательного решения, может привести к неблагоприятным последствиям для правоприменителя, заключающемуся в том, что к многочисленным следственным и процессуальным действиям, направленным на инициирование процедуры избрания меры пресечения в судебном порядке, следователю или дознавателю в 40-часовой срок придётся осуществлять и иные действия направленные на приобщение к материалам уголовного дела протокола фактического задержания, его проверку и оценку с точки зрения законности и обоснованности, для составления соответствующего постановления. Определенные временные ресурсы лица, осуществляющего предварительное расследование могут быть направлены и на направление копий указанных документов прокурору, в рамках осуществления последним функций по надзору в соответствующей сфере.

Кроме того, во избежание разнотолков и устранения существующего, хоть и незначительного законодательного пробела, устраняемого путём применения аналогии права, следует законодательно установить в ст. 91 УПК РФ право задержания лица не только по подозрению в совершении преступления, но и в целях принуждения обвиняемого к соответствующему поведению в досудебном производстве, в случае его задержания в связи с отсутствием у органов осуществляющих предварительное расследование сведений о месте нахождения обвиняемого. Данное изменение также обеспечит целостность и системность уголовно-процессуального задержания с точки зрения юридической техники.

Оформление задержания в правовой институт с чётко выраженной и выверенной структурой невозможно без урегулирования ещё одного процессуального аспекта – места личного обыска задерживаемого лица в рассматриваемой процедуре. Советский учёный-процессуалист С. А. Шейфер, определял наличие когнитивного, познавательного аспекта в сущности задержания, позволяющего относить данное процессуальное действие к следственным. В качестве аргументации, наряду с тем, что протокол задержания – единственный документ, имеющий возможность зафиксировать факт нахождения лица в конкретном месте, учёный называл и сопутствующий ему личный обыск задерживаемого, результат которого фиксировался в протоколе. Несмотря на то, что данная позиция, в советские годы имела в своё подтверждение правовые предпосылки (отнесение УПК РСФСР 1960 года задержания к неотложным следственным действиям), она не лишилась рационального зерна и в современности [9, с. 63–64].

Видится, что именно наличие классического следственного действия, направленного на обнаружение и изъятие доказательств – обыска в порядке производства задержания придаёт ему черты следственного действия и, в известной степени, обуславливает необходимость составления протокола. Примечательно, что законодатель сознательно включил требование о занесении результатов личного обыска задержанного лица в протокол задержания, породив тем самым пробел в нормативном регулировании, заключающийся в том, что правоприменитель обязан отразить лишь результат следственного действия, однако же фиксация его хода остаётся вне поля зрения уголовно-процессуального закона. Такой подход наносит существенный вред единству формы уголовно-процессуального регулирования. В этой связи, внесение законодательных изменений должно быть направлено на обособление личного обыска от самой процедуры

задержания, что обеспечит чёткое разграничение меры процессуального принуждения от следственного действия, направленного на сбор доказательств по уголовному делу. Один из вариантов правотворческого решения в этой связи может заключаться в исключении из ч. 2 ст. 92 УПК РФ требования об отражении результатов личного обыска в протоколе задержания, что с одной стороны приведет к необходимости составления ещё одного, возможно лишнего и нетрадиционного, с точки зрения правоприменения, процессуального документа – отдельного протокола личного обыска, а с другой – в полной мере обеспечит целостность процессуальной формы рассматриваемого института, позволяя обособить процесс доказывания от меры процессуального принуждения, направленной на обеспечение порядка досудебного производства.

Следует отметить, что задержание, как мера уголовно-процессуального принуждения, является сложной процессуальной конструкцией. Неоднозначность процессуальной природы и формы задержания в действующем отечественном уголовном процессе, хоть и обусловлены историческими факторами и являются для нашего уголовного судопроизводства традиционными, но так или иначе требуют дальнейшего осмысления и совершенствования. Справедливы слова Н. П. Кирилловой: «успешная уголовно-процессуальная политика невозможна без продуманной уголовно-процессуальной концепции» [10, с.53], в связи с чем при воплощении в реальность предложенных автором направлений изменения правовой формы задержания, законодателю следует соблюсти сложный баланс между ограниченностью сроков, фактической кратковременностью данной меры процессуального принуждения и единством процессуальной формы, выражающемся в аутентичном документальном оформлении соответствующих элементов института задержания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борискова И. В. Краткая характеристика мер государственного принуждения / И. В. Борискова // Территория науки. 2018. № 3. С. 134-138.
2. Харзинова, В. М. Понятие и виды мер процессуального принуждения / В. М. Харзинова // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №5. С. 221-223.
3. Пидусов Е. А. Задержание лица, заподозренного в совершении преступления, как система деятельности / Е. А. Пидусов // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. №1. С. 37-41
4. Баев О. Я. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования / О. Я. Баев, М. О. Баев // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия: Право. 2016. № 2. С. 229-238.
5. Березина Е. С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства: дис. канд. юрид. наук / Е. С. Березина. М.: ВНИИ МВД России, 2009. 234 с.
6. Победкин А. В. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя / А. В. Победкин, В. Н. Яшин // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. №1-2. С. 16-24.
7. Григорьев В. Н. О фактическом задержании подозреваемого / В. Н. Григорьев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. №3 (89). С. 77-81.

8. Десятова О. В. К вопросу о процессуальном задержании / О. В. Десятова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. №4 (58). С. 53-60.
9. Тарасов А. А. Шейфер С. А. о познавательной сущности задержания подозреваемого / А. А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. 2017. №4. С.63-67.
10. Кириллова Н. П. Уголовно-процессуальная политика государства и упрощение процессуальных форм / Н. П. Кириллова // Юрист-Правовед. 2016. №5 (78). С. 53-58.

REFERENCES

1. Boriskova, I. V. Kratkaya harakteristika mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya [Brief description of measures of state coercion]. *Territoriya nauki – The territory of science*. 2018. No.3. pp. 134-138.
2. Kharzinova, V. M. Ponyatie i vidy mer processual'nogo prinuzhdeniya [The concept and types of measures of procedural coercion]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*. 2018. No.5. pp. 221-223.
3. Pidusov, E. A. Zaderzhanie lica, zapodozrennogo v sovershenii prestupleniya, kak sistema deyatel'nosti [Detention of a person suspected of committing a crime as a system of activity]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010. No. 1. pp. 37-41.
4. Baev, O. Ya. Sovremennyy pravovoj mekhanizm zaderzhaniya podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya i problemy ego sovershenstvovaniya [The modern legal mechanism of detention of a suspect in the commission of a crime and the problems of its improvement]. *Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2016. No. 2. pp. 229-238.
5. Berezina, E. S. Zaderzhanie podozrevaemogo kak institut ugolovnogogo sudoproizvodstva: dis. kand. jurid. nauk [Detention of a suspect as an institution of criminal justice: dis. cand. Jurid. Sciences]. Moscow, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 234 p.
6. Pobedkin, A.V. Fakticheskoe i processual'noe zaderzhanie podozrevaemogo: neobhodimo reshenie zakonodatelya [The actual and procedural detention of a suspect: a decision of the legislator is necessary]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i juridicheskie nauki – Izvestia TulSU. Economic and legal sciences*. 2018. No.1-2. pp. 16-24.
7. Grigoriev, V. N. O fakticheskom zaderzhanii podozrevaemogo [On the actual detention of a suspect]. *Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No.3 (89). pp. 77-81.
8. Desyatova, O. V. K voprosu o processual'nom zaderzhanii [On the issue of procedural detention]. *YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice*. 2021. No.4 (58). pp. 53-60.
9. Tarasov, A. A. SHEjfer S. A. o poznavatel'noj sushchnosti zaderzhaniya podozrevaemogo [Shafer S. A. on the cognitive essence of the detention of a suspect]. *YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta – Legal Bulletin of the Samara University*. 2017. No 4. С.63-67.
10. Kirillova, N. P. Ugolovno-processual'naya politika gosudarstva i uproshchenie processual'nyh form [Criminal procedural policy of the state and simplification of procedural forms]. *YUrist-Pravoved – Jurist-Pravoved*. 2016. No.5 (78). pp. 53-58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шелегов Юрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России.

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Игумнов Александр Владимирович, преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия.

664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23А.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shelegov Yuri Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Irkutsk, Lermontov str., 110.

Igumnov Alexander Vladimirovich, Lecturer at the Department of General Theoretical and State-legal Disciplines. East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, 664074 Irkutsk, Ivan Franko str., 23A.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.